

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL STUDIUL ARTELOR

ARTA

SERIA ARTE VIZUALE,
ARTE PLASTICE, ARHITECTURĂ

Serie nouă.
Vol. XXVII, nr. 1

Categoria „B”
Indexată în bazele de date:
European Reference Index for the Humanities and Social Sciences,
Directory of Open Access Journals,
Central and Eastern European Online Library,
ResearchBib,
International Institute of Organized Research

CHIȘINĂU ♦ 2018

COLEGIUL DE REDACȚIE:

Mariana ȘLAPAC, membru corespondent, dr. hab., conferențiar cercetător – *redactor-șef*

Natalia PROCOP, dr. – *secretar responsabil*

Gheorghe BOBÂNĂ, dr. hab., profesor universitar

Constantin Ion CIOBANU, dr. hab. (București, România)

Iuliana CIOTOIU, dr., profesor universitar (București, România)

Liliana CONDRATICOVA, dr., conferențiar cercetător

Svetlana ILVIȚKAIA, dr. hab., profesor universitar (Moscova, Federația Rusă)

Miroslav Piotr KRUK, dr. hab., profesor universitar (Cracovia, Polonia)

Maia MOREL, dr., profesor universitar (Montréal – Quebec, Canada)

Emmanuel MOUTAFOV, dr., conferențiar (Sofia, Bulgaria)

Tamara NESTEROV, dr., conferențiar cercetător

Ioan OPRIȘ, dr., profesor universitar (București, România)

Constantin SPÎNU, dr., conferențiar universitar

Tudor STAVILĂ, dr. hab., profesor cercetător

Lector: Vitalie ȚURCANU

Procesarea computerizată, prelucrarea imaginilor și tehnoredactarea: Natalia PROCOP, dr.

Traducerea și redactarea rezumatelor în limba engleză: Ana GOREA, dr.

Toate articolele au fost recenzate și recomandate pentru publicare de Consiliul științific al Institutului Patrimoniului Cultural, proces-verbal nr. 04 din 28 iunie 2018

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Arta / Institutul Patrimoniului Cultural, Centrul Studiul Artelor; col. red.: Mariana Șlapac (red.-șef),

... – Chișinău: 2018. – E-ISSN 2537 – 6136:

Arte Vizuale. Serie nouă.

Vol. XXVII, nr. 1, 2018. 160 p. Bibliografie și note la sfârșitul articolului.

Tiraj 150 ex.

E-ISSN 2537 – 6136

© Institutul Patrimoniului Cultural, 2018

SUMAR

♦ ARTA MEDIEVALĂ ȘI MODERNĂ

Mariana ȚLAPAC. <i>Simbolismul cetății</i>	5
Ольга ПЛАМЕНИЦКАЯ (Київ). <i>Бар в Подоліи – «citta ideale»: хронологія еволюції міста-фортеці</i>	14
Юрий ПИСЬМАК (Одеса). <i>Парижские декоративные тарелки с изображениями экзотических птиц</i> ...	24
Alla CHASTINA. <i>Architecture and Sculpture of the City Garden in Kishinev for the XIX Century</i> <i>(For the 200th anniversary of the Stefan cel Mare Park in Chisinau)</i>	32

♦ ARTA CONTEMPORANĂ

Maia MOREL (Montréal – Quebec). <i>L'art en perspective. Sur un tableau d'A. Y. Jackson</i>	40
Ana MARIAN. <i>Portretul în creația sculptorului Lazăr Dubinovski</i>	46
Tamara NESTEROV. <i>Monumentele de arhitectură din Chișinău – între autenticitate și improvizație postbelică</i> ...	53
Liliana PLATON. <i>Evoluția figurativului din pictura moldovenească în perioada anilor 1952–1960</i>	62
Natalia PROCOP. <i>Aspecte stilistice în vestimentația de la începutul anilor '60 ai sec. XX din RSSM</i>	68
Constantin SPÎNU. <i>Conexiuni artistice, tehnologice și semantice în creația ceramistei Nelly Sajin</i>	76
Vitalie MALCOCI. <i>Metamorfoze ale imaginii vizuale în scenografia moldovenească din prima jumătate a anilor '70 ai sec. XX</i>	88
Victoria ROCACIUC. <i>Noi tendințe în arta cărții moldovenești din perioada anilor 1970–1980</i>	95
Vladimir CRAVCENCO. <i>Grafica de carte în Republica Sovietică Socialistă Moldovenească și Republica Moldova în anii 1988–2000</i>	104

♦ ISTORIA ȘTIINȚEI

Nicoleta VORNICU (Iași). <i>Metodologia de investigație a infracțiunilor privind operele de artă</i>	110
Liliana CONDRATICOVA. <i>Diversitatea și valoarea surselor de cercetare ale artei metalelor din Basarabia</i>	117
Aurelia TRIFAN. <i>Crama: de la construcție utilitară la obiect arhitectural personalizat în reflecția istoriografică</i> ..	127
Dmitri ȘIBAEV. <i>Chișinăul în desenele artiștilor plastici Leonid Grigorașenco, Emil Childescu și Ion Serbinov. Aspecte istorice</i>	137

♦ MANIFESTĂRI

Sidonia TEODORESCU, Gabriela PETRESCU (București). <i>Expoziția „Locuința interbelică în sectorul 3”</i>	142
Eleonora BRIGALDA. <i>Salonul internațional al profesorilor de arte vizuale 2018 – un spațiu de comunicare interculturală</i>	146

♦ IN MEMORIAM

Victoria ROCACIUC. <i>Adei Zevin cu admirație</i>	148
--	-----

♦ RECENZII

Constantin SPÎNU. <i>BATIK-UL DIN MOLDOVA de Natalia Procop – studiu de referință din domeniul artelor decorative contemporane</i>	151
---	-----

CONTENTS

♦ MEDIEVAL AND MODERN ART

Mariana SLAPAC. <i>Symbolism of the Fortress</i>	5
Olga PLAMENITSKAIA (Kiev). <i>Bar in Podolia – «citta ideale»: evolution chronology of the city-fortress</i>	14
Iuri PISMAK (Odesa). <i>Decorative plates from Paris with the images of exotic birds</i>	24
Alla CHASTINA. <i>Architecture and Sculpture of the City Garden in Kishinev for the XIX Century (For the 200th anniversary of the Stefan cel Mare Park in Chisinau)</i>	32

♦ CONTEMPORARY ART

Maia MOREL (Montréal – Quebec). <i>Art into perspective. On A. Y. Jackson's Red Maple</i>	40
Ana MARIAN. <i>Portrait in the creation of sculptor Lazar Dubinovsky</i>	46
Tamara NESTEROV. <i>Architectural monuments in Chisinau – between authenticity and post-war improvisation</i> ...	53
Liliana PLATON. <i>Evolution of the figurative approach in the Moldavian painting in the period 1952–1960s</i>	62
Natalia PROCOP. <i>Stylistic aspects in the clothing of the early 1960s in the Moldavian SSR</i>	68
Constantin SPINU. <i>Artistic, technological and semantic connections in the creation of ceramist Nelly Sajin</i>	76
Vitalie MALCOCI. <i>Metamorphoses of the Visual Images in Moldovan Scenography of the first half of the 1970s</i> ...	88
Victoria ROCACIUC. <i>New trends in Moldavian book art in the period 1970–1980</i>	95
Vladimir CRAVCENCO. <i>Book Graphics in the Moldavian Soviet Socialist Republic and the Republic of Moldova in 1988–2000</i>	104

♦ HISTORY OF SCIENCE

Nicoleta VORNICU (Iasi). <i>Methodology for investigating crimes related to works of art</i>	110
Liliana CONDRATICOVA. <i>Diversity and value of the research sources of the art of metals in Bessarabia</i>	117
Aurelia TRIFAN. <i>Winery: from utilitarian construction to architectural object personalized in historiographical reflection</i>	127
Dmitri SIBAEV. <i>Chisinau in the drawings of fine artists Leonid Grigorasenco, Emil Childescu and Ion Serbinov. Historical aspects</i>	137

♦ MANIFESTATION

Sidonia TEODORESCU, Gabriela PETRESCU (Bucharest). <i>Exhibition „The interwar building in the third sector”</i>	142
Eleonora BRIGALDA. <i>International Exhibition of the Teachers Visual Arts of 2018 – a space for intercultural communication</i>	146

♦ IN MEMORIAM

Victoria ROCACIUC. <i>With the admiration to Ada Zevin</i>	148
---	-----

♦ REVIEWS

Constantin SPINU. <i>BATIK OF MOLDOVA of Natalia Procop – the research in contemporary decorative arts</i>	151
--	-----

Бар в Подолии – «citta ideale»: хронология эволюции города-крепости

Резюме

Бар в Подолии – «citta ideale»: хронология эволюции города-крепости

Впервые проведены историко-градостроительные исследования города Бара Винницкой области, основание которого связывалось с деятельностью королевы Боны Сфорца в 1540-е гг. Доказано, что период Боны Сфорца был связан с реконструкцией города-крепости, существовавшего с конца XIV–XV вв., и внедрением в его градостроительную схему принципов «идеального города» эпохи Ренессанса.

Реализация этой схемы, как следует из хронологии реконструкции Бара, была первой в истории градостроительства Украины.

Ключевые слова: Бар, Бона Сфорца, реконструкция города-крепости, концепция «идеального города», городская структура, Ренессанс, урбанистика в Украине.

Summary

Bar in Podolia – “citta ideale”: evolution chronology of the city-fortress

The historical and urban research of the city of Bar in Vinnystia region, the founding of which was connected with the activity of queen Bona Sforza in 1540, were conducted for the first time. It was proved that the period of Bona Sforza was linked with the reconstruction of the city-fortress that existed from late 14th – 15th centuries and the implementation of “ideal city” concept of the Renaissance age to its urban structure.

The realization of this concept, as it turns out from the chronology of Bar's reconstruction, was the first one that took place in the history of urban planning in Ukraine.

Keywords: Bar, Bona Sforza, reconstruction of the city-fortress, “ideal city” concept, urban structure, Renaissance, urban planning in Ukraine.

Город Бар Винницкой области принадлежит к наиболее известным историческим городам Подолии, занимающим заметное место в истории Украины и Центрально-Восточной Европы. Однако лишь в последнее время исследователи задумались о незаурядной роли Бара в развитии урбанистики и фортификации Украины. В середине XVI в. судьба города сплелась с Италией, где родилась польская королева Бона Сфорца [2]. Ее реформаторская деятельность наложила отпечаток и на развитие города, и на трактовку исследователями его истории, в которой, тем не менее, до сих пор остается немало белых пятен, а научные факты порой подменяются легендами. Общеизвестной информацией, кочующей из публикации в публикацию, является факт основания Бара королевой Боной в 1537–1540 гг.

Отсчет истории города и его каменного замка начинают именно с этой даты, оставляя за скобками неисследованные иконографические и картографические материалы, а также солидный корпус письменных источников XVI в., требующих научной интерпретации. Как покажем ниже, вместе с этими источниками «за скобками» оказался не только урбанистический опыт XVI в., но и почти полутора-равековой предшествующий период истории города.

В статье сделана первая попытка осветить градостроительное развитие Бара, основываясь на анализе картографических и иконографических материалов, натуральных исследований и фрагментарно изученных письменных источников. В совокупности они позволяют рассматривать город как элемент

сложившегося в XIV–XVII вв. оборонного «Подольского щита Европы» [16, с. 19], а также зачислить Бар в группу первых реализаций в Украине концепции «идеального города», разработанной итальянскими урбанистами эпохи Ренессанса.

Территория города с конца I тыс. н. э. была заселена племенами уличей. В XII в. она входила в состав Болоховских земель, попавших в 1241 г. в зависимость от Золотой Орды. Конец этой зависимости положила Литва, победив в 1362 г. ордынцев на Синей Воде. Дальнейшая судьба Бара (до середины XVI в. именуемого Ров) связана с Подолией, вошедшей в состав Великого Княжества Литовского. Утверждение власти Литвы в Подолии сопровождалось активной фортификационной деятельностью, направленной на оборону от татарских набегов. В 1434 г., после 40-летнего военно-дипломатического противостояния, Подолия вошла в состав Королевства Польского. С этого времени земли в окрестностях Бара, как и по всему Поднестровью, активно раздавались польской шляхте для заселения и освоения. Так Литва и Польша, последовательно укрепляя свои юго-восточные рубежи от сопредельных соседей, формировали сеть замков Подолии. Вместе с тем, появление части из этих укреплений исследователи не без основания относят к скупо представленному источниками периоду, предшествовавшему литовскому [6, с. 41-43].

До конца XIV в. источники не содержат сведений о Баре и его окрестностях [6, с. 41-43]. Существует основанная на народной традиции гипотеза, согласно которой на правом берегу реки Ров, где в пределах села Барские Чемерисы существует древнерусское городище, в эпоху господства Литвы возник замок, получивший в 1386 г. грамоту польского короля Владислава Ягелло. На территории города Бара, как свидетельствуют археологические разведки [8], вероятно было два городища: возникшее в XI–XII вв. и разрушенное монголами городище на правом берегу р. Ров, и основанное в послеордынский период на левом берегу р. Ров городище XIII–XIV вв., которое и определило место локализации позднейшего замка. Топография известного в истории Кучманского пути, по которому татары в XV–XVII вв. совершали грабительские набеги на Подолию, обусловила появление сети

замков в приграничных районах Подолии. Исследователи считают, что находившееся на «Кучманском пути» первоначальное местечко Ров располагалось на правом берегу реки Ров, в пределах села Барские Чемерисы, и возникло из стратегических соображений для обороны окружающей местности.

Первое документальное упоминание о местечке Ров («villa Row») [19, с. 533] относится к 1401 г. и связано со старостой Альбертом Ровским [14, с. 267]. Основание этого местечка М. Грушевский относит к долитовскому периоду [6, с. 45]. 30 апреля 1435 г. («feria quinta post festum S. Jacobi, 1435») [1, с. 242] польский король Владислав III Варненчик записал 100 гривен Яну Кмитовичу «на местечко Ров» («super villa Row»)¹; этот документ М. Грушевский относит к местечку Ров на одноименной реке. По его мнению, Ров «позже, несомненно, был уже замком, к которому тяготел окружающий уезд» [6, с. 45]. Существует еще одна запись – 40 гривен на местечко Ров Каменецкого уезда, сделанная королем Владиславом III Варненчиком 28 июля того же 1435 года шляхтичу Георгию Кунцовичу («Wladislaus rex Poloniae nobili Georgio Kuncowicz 40 marcas super villa Row in district Camenecensi sita inscribit») [3, с. 244]. Эта запись вносит определенную интригу: с интервалом в три месяца король записал одно и то же местечко, что не только подтверждает факт его существования, но свидетельствует об определенной конкуренции за его приобретение.

В 1443 г. польский король Владислав III записал 100 гривен на Ров и Ялтушков шляхтичу Стогневу Рею из Шумска, герба Окша, правление которого продолжалось 12 лет. В июне 1452 г., как сообщает Ян Длугош, татары захватили замок Ров («castellum Row») [11, с. 50]. Информацию 1435 г. о местечке Ров («villa Row») и сообщение 1452 г. о замке Ров («castellum Row») разделяет 17 лет, в течение которых местечко превратилось в замок. Из них первые восемь лет Рвом владел Георгий Кунцович, следующие девять – Стогнев Рей. Один из них восстановил существовавший или построил новый замок на правом берегу реки Ров. Об этом замке известно немного: единственное его изображение содержит «Настоящий, точный и орфографический план города и замка Бар», датированный 1678 г. На нем под буквой «Р» изображены правобереж-

ные укрепления, названные «Руины местечка польских татар или Чемерисов» («Ruine de la ville dez Tartarea Pologne ou Chemerichez»). Название плана претендует на определенную достоверность; поэтому можно предположить, что изображенный на нем замок занимал верхнюю часть холма на правом берегу р. Ров и имел вид каменного башенного укрепления. Судя по карте Украины Г. Л. де Боплана, выгравированной В. Гондиусом в 1650 г., сохранившиеся на тот период укрепления местечка, расположенные с северо-восточной стороны, включали рвы и валы.

В 1452 г. Ров был захвачен татарами; очевидно, причиной этого стало изменение путей продвижения татар относительно местечка и его уязвимое местоположение. Если в конце XIV – начале XV вв. атаки кочевников были направлены с северо-востока, со стороны Кучманского пути, от которого Ров был защищен рекой, то уже в середине XV в. более опасной стала недостаточно защищенная юго-западная сторона местности [17, с. 100]. В 1456 г. король Казимир Ягеллончик позволил выкупить у наследников Стогнева Рея Ров и Ялтушков с принадлежащими к ним селами «русскому воеводе» Андрею Одровонжу, записав на них 100 гривен и 80 дукатов [11, с. 50]. Возрождение города Ров после разрушений 1452 года, по-видимому, было связано именно с его переходом в собственность Андрея Одровонжа, который, очевидно, и перенес замок на более защищенный левый берег реки Ров. С учетом фортификационной деятельности в Подолии представителей рода Одровонжей, это предположение выглядит логично. В 1453 и 1485 гг. Ров упоминается уже как город («oppidum») [4, с. 11].

Начиная с 1506 г., татары осуществили более 20 опустошительных набегов на Восточную Подолию. Источники начала XVI в. называют Ров «издавна» запустевшим [4, с. 11]. Это обстоятельство очень важно для определения характера последующих градостроительных и фортификационных преобразований, необходимость проведения которых была продиктована порубежным положением города.

Новый период градостроительного развития города и его окрестностей начинается со второй четверти XVI в. в связи с появлением новых персоналий на польском королевском троне. В 1518 г. король Сигизмунд I Ста-

рый женился на 24-летней именитой итальянке Боне Сфорца, дочери миланского герцога Джиованни Гальяццо Сфорца. Нововведения в управлении Королевством Польским, принятые королевой, повлияли на ход политических процессов в Европе. Бона Сфорца была единственной польской королевой, которая принесла короне огромное приданое в виде поместий и денежных средств, направив их не для удовлетворения личных потребностей, а для укрепления государства. Бона приобретала и укрепляла магнатские латифундии, расположенные на востоке Королевства Польского, в пределах Украины и Литвы, находившиеся под постоянной угрозой нападения со стороны татарских орд, а впоследствии Турции и Московии. Вопрос «московско-татарского» востока был одним из приоритетных в политике Боны.

В середине 1530-х гг. Бона Сфорца обратила внимание на расположенную на восточных рубежах Королевства Польского принадлежащую Одровонжам Ровщину [10, с. 46, 73-74]. Реализуя масштабный проект по усилению восточных границ Подолии, Бона Сфорца четыре года потратила на осуществление своего плана по освоению этой территории, добившись ее выкупа у Станислава Одровонжа [5, с. 310, 315]. 24 ноября 1537 г. король предоставил льготную грамоту «нашему городу Рву» («oppidum nostrum Row»), «который за эти годы разрушался противником и был опустошен *вместе с замком*» [выделено нами – О. П.]. Иницилируя переселение мещан в город, принадлежавший Одровонжу, король освободил их от всех старостинских и государственных налогов на 12 лет [6, с. 67]. Следующая королевская грамота 14 марта 1538 г. позволяла королеве Боне выкуп имений, местечек и городов, принадлежавших Станиславу Одровонжу – «de bonis Row in Podolia ac aliis villis et bonis oppidis que nostris regalibus» [6, с. 68-69]. В этот период состоялось и переименование города Ров на Бар. 18 июля 1538 г. старостой Бара («capitaneus barensis») стал военный специалист Альберт Стажеховский [10, с. 68-71]. 4 апреля 1539 г. король специальной грамотой приостановил все судебные процессы против него, отправив его для «усовершенствования и продолжения строительства «крепости нашего Бара» («perficiendi et continuandi aedificia castris Nostri Barensis») [6,

с. 84-85]. Необходимо отметить, что в тексте королевской грамоты речь идет не о замке («arx»), а о крепости («castrum»). Поскольку согласно терминологии тех времен крепостью называли укрепленный город, логично предположить, что речь идет не о постройке замка, а о строительстве системы городских укреплений. Этот вывод подтверждает грамота, выданная Сигизмундом 11 февраля 1540 г., в которой изложена история основания и приобретения королевой Боной опустошенного татарами и населенного «простолюдинами» («rudescere») города, его переименования в Бар, основания «города и замка» («arcis et oppidi») Бар и назначения ею городским старостой Альберта Стажеховского. Дана характеристика выполненных Стажеховским работ по укреплению и расширению города, окружению его укреплениями, ремонту и реконструкции замка. В грамоте говорится о получении городом названия Бар и герба с инициалами «B.S.». При этом лишь одной части города (так называемому Польском городу, расположенному на левом берегу р. Ров), предоставляется Магдебургское право [6, с. 92-98]. В том же 1540 году привилегии на Магдебургское право («*jure theutinico maideburgensi*») получили остальные две части города: расположенный на левом берегу Руський Бар (12 марта) и правобережный Верхний Бар (22 апреля) [6, с. 103-106]. Заслуживает внимания, что в грамоте Польский Бар преимущественно называется «*civitas Bar*» («город Бар»), хотя изредка употребляется и параллельное название – «*oppidum Bar*» («укрепление Бар»). Руський Бар назван в грамоте «укрепление Руський Бар» («*oppidum Ruski Bar*»), Черемиский Бар (Верхний Бар) – «укрепление Верхний Бар» («*oppidum Gorny Bar*»).

Итак, во второй половине 1530-х – 1540-х гг., в период приобретения королевой Боной города Ров, последний был переименован в Бар и коренным образом реконструирован исходя из принципов Магдебургского права, которое, как известно, влечет за собой не только административно-правовые, но и градостроительные изменения.

Из содержания грамоты 1540 г. очевидно: «на суровом корне» («*prout in cruda illa radice a fundamentis*») [6, с. 93] состоялось не основание Бара «с нуля», а его глобальная градостроительная реконструкция, спрово-

ждавшаяся увеличением территории, ее национально-этнической структуризацией (Польский Бар, Руський Бар, Черемиский Бар), а также сооружение новой системы бастионных укреплений вокруг расширенного периметра города-крепости. В грамоте, в частности, указаны обязанности горожан по защите и благоустройству Бара, возведению его укреплений и моста через пруд.

Период Боны Сфорца стал началом отсчета нового периода истории Бара и его урбанистических преобразований в контексте получивших в то время распространение идей теоретиков итальянского Ренессанса. Автор опубликованной в 1588 г. «Хроники Европейской Сарматии» польский историк Александр Гваньини сообщает, что Бар, «окруженный оградой, лежит на равнине. Он построен по приказу польской королевы Боны, дочери Джованни, миланского князя, которая и назвала его Баром от города Бари, расположенного на ее родине. Бар, город в Украине, обширно раскинулся. Его каменный замок, окруженный топкими и широкими озерами, стоит на высокой горе, из-за чего его трудно завоевать» [9, с. 417]. Полагаем, что именно это сообщение Гваньини положило начало устойчивой версии об основании города королевой Боной.

Возникает вопрос: чем был Ров до начала правления королевы Боны Сфорца и что представлял собой Бар, в котором она, начиная с 1537 г., провела реформы. На этот вопрос дают ответ три документа, корреляция которых позволяет установить основные параметры Бара «до Боны» и «после Боны»: «Ревизия Барского староства» (ревизия города и замка) 1552 г., описание Бара 1665 г. и самый ранний из известных планов города – план 1678 г.

Первый вывод, который можно сделать из сравнения этих документов, – соответствие на протяжении XVI–XVII вв. основных топографических компонентов Бара, который состоял из расположенных на левом берегу реки Ров Польского города и Руського города, а также правобережного Черемиского (или Верхнего) города (обозначены на плане 1678 г. под буквами «С», «А» и «Р»). В середине XVI в. бывшая река Ров была со стратегической целью преобразована в большой пруд, состоящий из двух частей: «замковый пруд» («*piscinae castrensis*») и «пруд Руського города» («*piscine oppido Ruthenico*») [6, с. 152]; первый был рас-

положен к западу от замка (обозначен буквой «В»), второй окружал с запада и юга расположенный южнее замка Польский Бар и южную часть Руського Бара. Противоположные берега пруда между Польским и Черемиским Баром соединялись мостом; на юге Руського Бара находилась плотина. Замок отделялся от Руського и Польского города рвом.

Наиболее раннее описание левобережного Бара, которое содержит топоурбанистические характеристики, датируется 1565 годом. В нем сказано, что город разделен на три части, из которых две расположены на левом берегу Рва («город Польский, который находится в ограде» и «Руський город, который является как бы предместьем между городом Польским и тем местом, где хотят замок строить» [6, с. 128]). И так, Руський город в середине XVI в. считался предместьем Польского, а значит между ними издавна должны были существовать укрепления. Эти укрепления отображены в ревизии города 1552 г. и изображены на плане 1678 г. как «ретраншемент города». Ретраншементом называют укрепления, расположенные позади главных позиций [18]; функцией ретраншемента является обстрел территории в тылу главных позиций в случае их захвата противником. После расширения территории города и Руського Бара бывшие передовые укрепления ранее существовавшего города, названного в 1540 г. Польским Баром, превратились в ретраншемент – вторую линию обороны города-крепости. На плане 1678 г. ретраншемент изображен в виде рово-валового укрепления с частоколом. Два его отрезка расположены под тупым углом, в месте которого поставлена низкая круглая башня, по типологии соответствующая бастеям. Двое ворот в пряслах рово-валовых укреплений имеют вид деревянных башен, перед которыми переброшены подъемные мосты через ров. Вне сомнения, что если бы «Польский город» и «Руський город» возникли одновременно, такие мощные укрепления между ними возникнуть бы не могли. Факт их существования свидетельствует о разновременности формирования укрепленного с севера замком «Польского города» (древнего ядра) и «Руського города», вокруг которого образовалась вторая, внешняя линия городских бастионных укреплений (обозначена на плане 1678 г. буквой «S»).

Информация в описании 1565 г. о том, что Руський город лежит между Польским городом и местом, где «хотят замок строить», однозначно опровергает версию о возведении А. Стажеховским каменного замка в 1537 г. Вопрос строительства нового каменного замка в 1565 г. через 28 лет после возведения предшествовавшего вряд ли мог возникнуть.

В наиболее ранней из известных описей города и замка, содержащейся в «Ревизии Барского староства» 1552 г. [6, с. 148-156], сооружения имеют лишь относительную топографическую привязку по отношению к другим сооружениям, расположение которых также не вполне определено. На помощь приходит план 1678 г. Несмотря на то, что ревизию и план разделяют почти 120 лет, в течение которых произошли важнейшие градостроительные и фортификационные преобразования, сделаем попытку их корреляции. Исходим из того, что урбанистические системы довольно консервативны, а фортификаторы – весьма бережливы, максимально используя существующие оборонительные сооружения до их полной деградации.

Согласно ревизии 1552 г. замок состоял из пяти башен. «Первой башней» назвали прибрежную северо-западную, напротив которой было «опасное место», связанное, очевидно, с ее расположением с напольной стороны. «Вторая башня», также обращенная в сторону поля, имела северо-восточную ориентацию. «Третья башня», юго-восточная, была расположена «напротив Польского города», также в «опасном» в месте. «Четвертая башня», юго-западная, в которой были «малые ворота» («*porta parva*»), находилась напротив замкового пруда. «Пятая башня», в которой находились «большие ворота» («*porta magna*»), стояла посередине стены между третьей и четвертой башнями, напротив Польского города [10, с. 148].

Заметим, что ревизия 1552 г. была сделана через 15 лет после того, как в 1537 г. Альбертом Стажеховским, опытным военным специалистом, были проведены строительные работы, трактуемые исследователями как строительство нового замка. Общую направленность работ отражает грамота 1540 г., где, в частности, указано, что для их выполнения королева Бона направила в Бар *несколько сотен* [здесь и далее

выделено нами. – О. П.] рабочих, кавалеристов и пехотинцев. Отмечено, что сам Альберт Стажеховский сделал значительный финансовый вклад в укрепление города [6, с. 93].

А вместе с этим, данные ревизии 1552 г. прямо указывают на неудовлетворительное, а порой аварийное состояние сооружений замка, полностью опровергая версию о его сооружении в 1537 г. Альбертом Стажеховским. Так, по описи первая башня «в настоящее время отклонилась от части стены в направлении замкового рва по крайней мере на половину локтя». Вторая башня «подобным образом отклонилась от стены в направлении того же рва, правда не так сильно как предыдущая». Третья башня «отклонилась также от стены более чем на половину локтя». Что касается четвертой башни, то указано, что «отклонились также стены напротив пруда с обеих [ее] сторон». «Пятая башня, в которой большие ворота, все еще стоит пристойная, однако плохо и непрочна сооружена, только в одной такой большой стене, после того как все работы по укреплению были выполнены, к тем же воротам прикрепили медную плиту с надписью священного королевского величества» (памятную плиту). Кроме того, описывая третью башню, ревизор отметил, что «между упомянутыми башнями [второй и третьей. – О. П.] все указанные существующие «камеры» («самегае») смещаются в земле, так как на глинистой основе возведены» [10, с. 148]. Слово «самегае» означает свод, сводчатое помещение [12, с. 116], исходя из чего наиболее вероятно, что речь идет о сводчатых казематах. Неудовлетворительное состояние башен не находит объяснения при условии, что их возраст на момент описания насчитывал всего 15 лет. А описание пятой, «плохо и непрочно построенной» надвратной башни, к воротам которой после их укрепления прикрепили памятную плиту, лишь подтверждает факт ремонтных, а не строительных работ.

Нельзя не отметить общей особенности: все башни отклонились от стен на половину локтя (минимум 25 см) или больше. С архитектурной точки зрения такая особенность может касаться только каменных сооружений, как и смещение казематов («самегае») в стенах между башнями, что объясняется подвижкой их стен, находившихся в основе стен на глинистых грунтах.

Исследователи никогда не анализировали ревизии 1552 г. с точки зрения описанных архитектурно-конструктивных особенностей сооружений, поэтому в литературе надежно распространилась версия о деревянном замке Одровонжей, существовавшего вплоть до 1537 г., когда А. Стажеховский построил на его месте каменный. Поскольку же источники дают четкие параметры, позволяющие атрибутировать существовавшее до 1537 г. сооружение как каменное, становится понятным, что Альберт Стажеховский лишь отремонтировал и укрепил отдельные части предшествовавшего каменного пятибашенного замка, находившегося в плохом техническом состоянии, вызванном длительным периодом эксплуатации. А это приводит к важному выводу: появление в Баре каменного замка отодвигается вглубь – ко второй половине XV в., то есть времени владения Баром подольским воеводой Андреем Одровонжем.

По нашему мнению, сохранившийся доныне бастионный замок является результатом реконструкции старых замковых укреплений на третьем этапе, который состоялся в 1640-е гг. Ему предшествовало по меньшей мере два: строительство Андреем Одровонжем в XV в. первого каменного укрепления и его обновление Альбертом Стажеховским в 1537–1540-х гг. Заложенные на месте старого замка в XVII в. новые бастионные укрепления вобрали в себя остатки предыдущих позднесредневековых стен и башен.

Этот вывод подтверждают археологические исследования замка, проведенные в 2007–2008 гг. Л. Виногородской [8]. Несмотря на их фрагментарность и незавершенность, детальное описание и фотофиксация исследований подтверждают сделанный нами вывод о существовании строительных этапов, предшествовавших сооружению бастионного замка [17, с. 100], который приписывают Г. Л. де Боплану. Так, на территории юго-восточного бастиона замка, в северо-восточном углу раскопа, заложенного в 2007–2008 гг., на глубине 2,15 – 2,40 м от современной дневной поверхности (далее – СДП), был открыт фрагмент стены толщиной 1,1 – 1,2 м, сложенный на известково-глинистом растворе [8, с. 10-11]. Стена, как свидетельствует стратиграфия, была частично разрушена, а на нее лег с наплывами плотный слой глинистого

грунта; это говорит о том, что разрушенная кладка долгое время находилась в открытом состоянии и впоследствии была включена в объем бастиона. Аналогичный плотный слой глинистого грунта с наплавами зафиксирован на глубине 1,8 – 2,10 м по всей площади раскопа (80 м²). В том же раскопе, на глубине 2,4 м от СДП, зафиксировано углубление с заполнением, в котором на глубине 2,8 м от СДП найден наконечник стрелы XIII–XV вв. На уровне кладки был найден фрагмент крышки глиняного горшка конца XIV–XV вв. Таким образом, часть каменных конструкций, выявленных на юго-восточном бастионе замка, находится на глубине 0,2 – 0,6 м от СДП, а часть – на глубине 1,5 м и 3,0 м и, судя по стратиграфии и составу кладочного раствора, относится к более раннему периоду.

К сожалению, при археологических исследованиях не применялись методы архитектурной петрографии, которые позволили бы точнее атрибутировать найденные в 2007–2008 гг. и в настоящее время засыпанные фрагменты кладки. Необходимо продолжить исследования, чтобы установить более точную хронологию ранней строительной биографии замка.

Замок Андрея Одровонжа, который существовал до начала работ, проведенных А. Стажеховским, был каменным, квадратным в плане, с четырьмя угловыми башнями и пятой надвратной. Можно предположить, что угловые башни принадлежали к распространенному в то время типу протобастионных башен «пунтоне», аналоги которых сохранились в замках Подолии – Меджибоже, Бережанах, Сутковцах, Токах, Теребовле, Кудринцах, Золотом Потоке, Рыхте и др. Эти башни имели полигональную (квадратную, пятиугольную, иногда шестиугольную) форму в плане; в отдельных случаях наблюдается наличие острого исходящего угла, характерного для ранних протобастионов [15]. Коммуникация замка с «Польским Баром» осуществлялась через надвратную («пятую») башню посередине прясла южной стены. Упомянутые в описи «малые ворота», расположенные в угловой, четвертой башне, очевидно, следует атрибутировать как тайный выход к замковому пруду.

Переход города Ров к Андрею Одровонжу во второй половине XV в. сопровождался, кроме строительства замка на левом берегу

р. Ров, созданием оборонительной системы левобережного местечка. В первой трети XVI в., на момент передачи города в управление королевы Боны Сфорца, Ров состоял из трех частей – древнего правобережного поселения (Черемиского или Верхнего Бара) и расположенного на прилегающей к реке полуостровной части левобережного местечка (позже названного «Польским Баром»), которое с севера замыкал замок. От восточного предместья местечко отделялось рово-валовым укреплением с двойным дубовым частоколом и трехъярусными башнями, стоявшими на валу, перед которым был выкопан ров.

А. Стажеховскому в 1537 г. было поручено «выполнение люстрации в прошлом упомянутого города Рва», а также его укрепление с участием жителей города. На практике это означало реконструкцию существующих рово-валовых укреплений с деревянными частоколами и башнями, а также ремонт каменного замка. Кроме того, ему было поручено окончание строительства «барской крепости» (не замка!), которое мы относим к созданию внешнего оборонительного пояса вокруг восточного предместья. В грамоте 1540 г. говорится, что город был «опоясан» укреплениями. Из плана 1678 г. видно, что «Руський Бар», примыкающий с востока к древней полуостровной части («Польскому Бару»), полукругом окружен линией бастионных укреплений, соединяющей замок на севере с речкой на юге. К фортификационным задачам, выполненным Стажеховским, следует отнести также создание водной преграды – пруда на основе р. Ров, которая омывала Польский Бар с запада и юга [6, с. 93].

Укрепления, возведенные Стажеховским по приказу королевы Боны, сформировались достаточно быстро – на протяжении трех лет с 1537 до 1540 гг. Концепция города-крепости Бар включала уже четыре компонента: Польский Бар, Руський Бар, Черемиский Бар и замок. Внешнюю линию обороны, окружавшую Руський Бар с северо-востока и востока, образовал новый пояс бастионных укреплений. В северо-восточном их отрезке находились городские ворота, местоположение которых фиксирует план 1678 г., а название («ворота в город из Меджибожа круглые, не прочно построенные в три яруса») – ревизия 1552 г. Северную часть левобережных укреплений

Бара образовывал старый каменный замок Андрея Одровонжа, в котором все еще было немало участков, находящихся в неудовлетворительном и аварийном состоянии. С запада и юга систему укреплений дополнял новообразованный пруд. Внутренний пояс обороны между Польским и Руським Баром формировали реконструированные Стажеховским рово-валовые укрепления («ограда»), состоящие из двух прясел, расположенных под тупым углом, в месте которого стояла круглая бастея (по ревизии 1552 г. – «башня в которой есть три яруса»). В восточном прясле между Руським и Польским городом находилась надвратная башня (по ревизии 1552 г. – «башня Гнилая калитка») [6, с. 151]. Вторая надвратная башня находилась в юго-восточном прясле; в описи 1565 г. она названа «ворота малые от города к замку». Правобережная часть Бара (Верхний или Черемиский Бар) также была окружена с запада линией рово-валовых укреплений с бастиянами, общее представление о значительном масштабе которых дает план Г. Л. де Боплана 1650 г. Укрепления правобережного и левобережного города в совокупности получили название крепости (*castrum*), что позволяет трактовать Бар как мощную крепость. Значительный масштаб урбанистических и фортификационных задач, выполненных А. Стажеховским, объясняет, почему в его распоряжение было предоставлено столь значительное количество солдат, кавалерию, сотни пехотинцев и несколько сотен рабочих [6, с. 93].

Четырехчастная структура Бара середины XVI в. принципиально не отличалась от структуры, зафиксированной позднейшими источниками. Нужно отметить, что эта структура демонстрирует устройство города западноевропейского типа с обособленным расположением замка и города в отличие от северорусских городов, в структуре которых цитадель (кремль) находилась внутри городского периметра.

Источники дают достаточную информацию, позволяющую реконструировать градостроительную структуру «Польского Бара». Так, опись города 1565 г. фиксирует в его границах три главные улицы (Гродскую, Костельную и Жидовскую), соответствующие ныне сохранившейся уличной сети, подчиненной топографии полуостровной территории. Эта структура имеет архаичный характер, свидетель-

ствуя о происхождении задолго до проведения градостроительных преобразований середины XVI в. Достаточной информации для детальной реконструкции урбанистической схемы «Руського Бара» источники не дают; уличная сеть этой части города не изображена ни в описях, ни в известных планах города. План 1678 г. фиксирует лишь общий абрис укреплений, без конкретизации структуры уличной сети. Поэтому для детальной реконструкции планировки Бара середины XVI в. необходимо привлечь другие немногочисленные письменные, иконографические и картографические источники, а также археологические разведки, что станет задачей будущего.

Учитывая сохранившуюся планировку и топографические особенности территории, выявленные при натурном обследовании (перепады рельефа, трассировку улиц, структуру усадеб, остатки старого русла р. Ров), автору удалось выполнить корреляцию плана 1678 г. и современной топографической ситуации, результатом чего стала первая графическая реконструкция системы укреплений Руського Бара, максимально привязанная к существующей натурной ситуации. Она демонстрирует симметричность, регулярность и значительную визуальную схожесть со схемой, изображенной на плане 1678 г.

Рассматривая геометрию этой структуры, нельзя не заметить ее сходства со схемой «идеального города» эпохи Ренессанса – «*citta ideale*», получившей распространение с начала XVI в. Разница заключается лишь в том, что схема «*citta ideale*» демонстрирует симметричное укрепление с расположенным на продольной оси симметрии замком, выполняющим функцию форпоста, в то время как схема Бара видоизменена с учетом длинного пруда, играющего роль оси симметрии. Эта схема, представленная на карте Г. Л. де Боплана, выгравированной В. Гондиусом в 1650 г., находит аналоги в истории европейского градостроительства, примером чего являются Эльблонг в Польше, Слуцк в Беларуси и др.

Полагать, что первоначальная линия укреплений Руського Бара представляла собой каменно-земляные бастияны староитальянской фортификационной школы с орильонами и пьятта-формами, мы не имеем оснований. С другой стороны, план 1678 г. имеет отчетливые признаки староголландской фортификаци-

онной школы, получившей распространение с начала XVII в. Факт возведения «с нуля» в Баре системы укреплений такого значительного масштаба не отражен ни в одном архивном источнике XVII в. Единственным военным специалистом, который теоретически мог быть причастен к появлению подобных фортификаций, был Г. Л. де Боплан (некоторое время находившийся в Баре [7, с. 38]) – но при условии реконструкции им какой-то предшествующей системы, пришедшей к тому времени в упадок. Такое предположение согласуется с экспликацией к плану 1678 г., где указано, что «бастионы и куртины города сегодня все разрушены». Периодом их разрушения могли быть как 1640–1650-е гг. (польско-козацкие войны), так и 1670-е гг., когда турки завладели Подолией [13, с. 222].

Принято считать, что в Украину схема «идеального города» пришла через Польшу, а первой ее реализацией является город Жовква, возникший в конце XVI в. Исходя из нашего исследования, можно предположить, что общая геометрическая схема укреплений, отображенная на плане 1678 г., была реализована еще Альбертом Стажеховским в конце 1530-х – 1540-х гг.² И если это так, то градостроительная реконструкция Бара является первой в Украине реализацией теоретической модели «идеального города», схема которого была разработана теоретиками Ренессанса.

В заключение следует отметить, что в случаях причастности к истории городов статусных лиц реальные события часто преувеличиваются, приукрашиваются, а творчество поколений добавляет к ним детали, которые прочно врастают в историографию, создавая мифы, в которые часто не вписываются факты реальной истории. Подобная ситуация произошла с официальной историографией Бара, «каркасом» которой стала деятельность неаполитанской принцессы и польской королевы Боны Сфорца. В историографии Бара это событие вытеснило все предыдущие и приобрело характер идиллической истории об основании города Боной и как следствие – о его взрывном развитии, начиная с середины XVI в. В результате такого историографического казуса официальная история Бара была искажена, а ложный тезис удивительно прочно укоренился в многочисленных изданиях. Будет ошибкой считать, что история Бара как города начина-

ется со времени правления Боны Сфорца, не учитывая предварительного градостроительного и фортификационного опыта позднего Средневековья.

Однако, бесспорно, что именно период правления Боны Сфорца положил начало внедрению качественно новой муниципальной и градостроительной программы развития города. Ее содержание, а также степень реализации (на наш взгляд, эта программа до конца реализована не была) должны стать предметом дальнейших архитектурно-градостроительных, археологических и археографических исследований.

Примечания

¹ Регеста. Жалованная грамота польского короля Владислава Варненчика Яну Кмитовичу на владение с. Ров с записью 100 гривен. 1435. *Inventarium. Lutetiae Parisiorum*, 1862, р. 274.

² Косвенно это подтверждает топонимика восточной части города, в которой сохранились названия улиц – Подвальная и Русский Вал, огибающие внешний оборонительный периметр.

Библиография

1. *Chronologia polska*. Pr. Zbiorowa pod red. Br. Włodarskiego. Warszawa, 1957.

2. Pocięcha W. Bona Sforza. In: *Polski Słownik Biograficzny*. Т. II. Kraków, 1936.

3. *Zbiór dokumentów Małopolskich*. Opr. I. Sułkowska-Kuraś. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk Cz. VIII. Dokumenty z lat 1435–1450. nr. 2180. (Опубл.: Михайловський. In: Надання земельної власності у Подільському воєводстві за панування Владислава III (1434–1444). In: Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 8/9. Український археографічний збірник. Том 11/12. Київ–Нью-Йорк, 2004.

4. *Matricularum Regni Poloniae summaria, excussis codicibus, qui in chartophylacio Maximo Varsovensi asservantur*. Contexguit indicesque adiecit Theodorus Wierzbowski. Varsoviae, 1905. Pars I. 1447–1492.

5. Zygmunt Stary (1506–1548). Warszawa, 1946.

6. Архив Юго-Западной России, ч. VIII, т. 1. Киев, 1893. / *Arhiv Iugo-Zapodnoi Rossii*, ce. VIII, t. 1. Kiev, 1893.

7. Боплан Г. Л. де. Опис України, кількох провінцій Королівства польського, що тягнуться від кордонів Московії та границь Трансильванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і веденням воен. К.: Наукова думка, 1990. / *Boplan G. L. de Opis Ukraini, kil'koh provintii Korolivstva pol'skogo, sio tiagnut'sea vid kordoniv Moskovii ta graniť Transil'vanii, razem z ihnimi zviciaiami, sposobom jittia i vedenniam voãn*. K.: Naukova dumka, 1990.

8. Виноградська Л. І. Науковий звіт про археологічні дослідження у м. Бар Вінницької області у 2008 році. Ркп. 203 с. К., 2009. / Vinograd'ska L. I. Naukovii zvit pro arheologicini doslidjennia u m. Bar Vinniț'koi oblasti u 2008 roți. Rkp. 203 s. K., 2009.

9. Гваньїні О. Хроніка Європейської Сарматії: упор. та перекл. з пол. Ю. Мицика. К., 2007. / Gvan'ini O. Hronika Āvropeiskoi Sarmatii: upor. ta perekł. z pol. Ju. Mițika. K., 2007.

10. Грушевский М. Акты Барского староства XV–XVI вв. / Gruševski M. Acti Barskogo starostva XV–XVI vv.

11. Грушевский М. Барское староство. Исторические очерки (XV–XVIII в.). Киев, 1894. / Gruševski M. Barskoe starostvo. Ostoriceskie ocerki (XV–XVIII v.). Kiev, 1894.

12. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Москва, 1986. / Dvorețkii I. H. Latinsko-ruskii slovani. Moskva, 1986.

13. Летопись Самовидца. К., 1878. / Letopis' Samovidca. K., 1878.

14. Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (Преимущественно по летописям). In: Сборник сочинений студентов Университета Св. Владимира. Вып. VIII. Киев, 1886. / Molcianovski N. Ocerk izvestii o Podol'skoi zemle do 1434 goda (Preimușestvenno po letopisiam). In: Sbor-

nik socinenii studentov Universiteta Sv. Vladimira. Vyp. VIII. Kiev, 1886.

15. Пламеницкая О. Башни типа пунтоне в замках Подолии (Украина). In: Conferința științifică internațională „Patrimoniul cultural – cercetare, valorificare, promovare”. Chișinău, 31 mai – 2 iunie 2016. Chișinău, 2017. / Plamenyts'ka O. Bașni tipa puntone v zamkah Podolii (Ucraina). In: Conferința științifică internațională „Patrimoniul cultural – cercetare, valorificare, promovare”. Chișinău, 31 mai – 2 iunie 2016. Chișinău, 2017.

16. Пламеницкая О. Оборонительный квадрифолий в Сутковцах на Подолии. In: Arta, Chișinău, 2017. / Plamenyts'ka O. Oboronitel'nyj kvadrifolij v Sutkovtsah na Podolii. In: Arta, Chișinău, 2017.

17. Пламеницка О. Барський замок In: Військово-історичний альманах, nr. 2 (5). К., 2002. / Plamenyts'ka O. Bars'kii zamok. In: Vii'skogo-istoricini al'manah, nr. 2 (5). К., 2002.

18. Шперк В. Ф. Фортификационный словарь. М.: Изд. Военно-инженерной академии, 1946. / Șperk V. F. Fortifikaționnii slovani. M.: Izd. Voennoinjenernoi akademii, 1946.

19. Яковенко Н. М., Миронова В. М. Латинська мова. Підручник. Київ, 2005. / Iakovenko N. M., Mironova V. M. Latins'ka mova. Pidrucinik. Kiev, 2005.

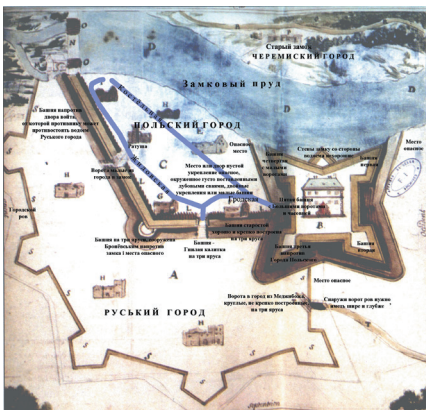

Рис. 1. Город Бар на плане 1678 г. Архив Иностранных дел в Париже

Рис. 2. План Эльблонга начала XVIII в.

Рис. 3. План Слуцка начала XVIII в.

Рис. 4. План укреплений левобережной части Бара на период середины XVI в. Реконструкция О. Пламеницкой